

ИСЛАМ И КУЛЬТУРА
Ответственный за рубрику: *Бобровников В. О.*
© Исламоведение. 2025. Т. 16, № 3 (65)

ISLAM AND CULTURE
Person in charge of the section: *Bobrovnikov V. O.*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2025. Vol. 16,
no. 3 (65)

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-3-60-75

УДК 297

Содержание статьи

Информация о статье

*С. Р. Кварацхелия*¹

Введение
Религиозно-обрядовый понятийный
аппарат абхазского языка
Лексемы, связанные с
государственностью, общественным
устройством
и мировосприятием
Заключение

Поступила в редакцию: 28.10.2025
Передана на рецензию: 31.10.2025
Получена рецензия: 25.11.2025
Принята в номер: 28.11.2025

Языковое наследие ислама: лексико-семантические особенности абхазского языка как маркер мусульманской идентичности

Московский исламский институт; abaza01@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние исламской цивилизации на абхазский язык. Анализ абхазской лексики обнаруживает глубокие и устойчивые следы ислама. Значительное количество слов, связанных с исламской практикой, активно используется и сегодня, свидетельствуя о продолжительном и всестороннем воздействии исламской культуры на все сферы жизни абхазского общества в прошлом.

Изучены как современная, так и историческая абхазская лексика и выделены две группы слов: 1) религиозно-обрядовый понятийный аппарат; 2) лексемы, связанные с государственностью, общественным устройством и мировосприятием. Особое внимание уделено тому, как многие понятия, связанные с исламом и исламской обрядностью, прочно сохраняются в народной памяти и отражают религиозные убеждения прошлого, а их редкое употребление в настоящее время связано лишь с ослаблением влияния ислама. Но даже с учетом семантического сдвига в некоторых случаях религиозная лексика абхазского языка имеет преимущественно мусульманское происхождение. Исламская религиозная терминология не только сохранила ритуально-обрядовое содержание, но и приобрела вторичные значения, в т. ч. и в сфере этикетных выражений, что свидетельствует о глубокой интеграции исламской лексики в абхазскую языковую и культурную среду. Эти заимствования отражают не только языковой контакт с тюркскими и северокавказскими народами, но и культурную и идеологическую адаптацию элементов исламской цивилизации. Языковое наследие абхазского народа остается устойчивым маркером мусульманской идентичности, живым свидетельством мусульманского компонента как неотъемлемой части национального самосознания, а ислам являет собой важную составную часть культуры абхазов, оказавшую влияние на ее различные аспекты, в т. ч. языковой.

Ключевые слова: Абхазия, абхазский язык, ислам в Абхазии, исламская лексика, языковое наследие ислама, лексические заимствования, лексико-семантический анализ, мусульманская идентичность.

¹ *Кварацхелия Станислав Рушбеевич* – аспирант Московского исламского института, имам-хатыб мечети г. Сухум, Республика Абхазия; <https://orcid.org/0009-0000-4621-9938>.

DOI: 10.21779/2077-8155-2025-16-3-60-75

UDC 297

Content of the article

Information about the article

S. R. Kvaratskheliia²

Introduction.
Religious and ritual conceptual framework of the Abkhaz language.
Lexemes related to statehood, social structure, and worldview.
Conclusion.

Received: 28.10.2025
Submitted for review: 31.10.2025
Review received: 25.11.2025
Accepted for publication: 28.11.2025

Linguistic Heritage of Islam: Lexical and Semantic Features of the Abkhaz Language as a Marker of Muslim Identity

Moscow Islamic Institute; abaza01@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of Islamic civilization on the Abkhaz language, identifying it as an important marker of the people's Muslim identity. The author's analysis reveals deep and enduring traces of Islam within Abkhaz vocabulary. A considerable number of terms associated with Islamic practice remain in active use today, attesting to the long-lasting and multifaceted impact of Islamic culture on all aspects of Abkhaz social life in the past. The study covers both contemporary and historical layers of Abkhaz lexicon and distinguishes two main groups of vocabulary: 1) religious and ritual conceptual terminology; 2) lexemes related to statehood, worldview, and social structure. Special attention is given to how many concepts linked with Islam and Islamic ritual practice have been firmly preserved in collective memory, reflecting the religious convictions of earlier periods; their infrequent use today is attributable solely to the weakening of Islamic influence. The author demonstrates that, despite occasional semantic shifts, the religious vocabulary of the Abkhaz language is predominantly of Muslim origin. Islamic religious terminology has not only retained its ritual and ceremonial content but has also acquired secondary meanings, including those in the sphere of etiquette expressions, indicating the deep integration of Islamic vocabulary into the Abkhaz linguistic and cultural environment. These borrowings reflect not only linguistic contact with Turkic and North Caucasian peoples, but also the cultural and ideological adaptation of elements of Islamic civilization. The conducted lexical-semantic analysis convincingly shows that the linguistic heritage of the Abkhaz people constitutes a stable marker of Muslim identity, a living testimony to the Islamic component as an integral part of national self-awareness. Islam represents a significant constituent of Abkhaz culture, having influenced its various dimensions, including the language.

Keywords: Abkhazia, Abkhaz language, Islam in Abkhazia, Islamic vocabulary, linguistic heritage of Islam, lexical borrowings, lexical-semantic analysis, Muslim identity.

Введение

Взаимодействие языков и культур является одной из ключевых тем в современной лингвистике и культурологии. Особый интерес представляет изучение языковых следов, оставленных одной культурой в языке другого народа, что позволяет глубже понять историю их контактов и трансформацию идентичности. Язык народа, являясь плодом многовекового творчества, представляет собой важнейший элемент культуры этноса, напрямую связанный с его историей. Он – средство познания

² Kvaratskheliia Stanislav Rushbeevich postgraduate student at Moscow Islamic Institute. Imam khatib of the mosque of the city of Sukhum, Republic of Abkhazia; <https://orcid.org/0009-0000-4621-9938>.

действительности во всех ее проявлениях, способ фиксации и дальнейшего распространения знаний об этом.

Несмотря на то что Абхазия в настоящее время часто позиционируется как страна с преимущественно христианским населением, проведенный нами анализ значительного количества лексем абхазского языка выявляет глубокие и устойчивые следы ислама. В частности, значительная часть религиозной лексики, связанной с исламом, прочно вошла в повседневный абхазский язык, сохраняясь даже после десятилетий советских и современных «исправлений». Многие слова, связанные с исламом и имеющие прямое отношение к его практике, активно используются и в настоящее время, что свидетельствует о продолжительном и глубоком воздействии цивилизации ислама на все сферы жизни абхазского общества в прошлом – духовную, общественную, культурную, экономическую и другие.

Цель данной статьи – выявить и систематизировать лексические заимствования в абхазском языке, прямо или косвенно связанные с исламом и исламской цивилизацией, проанализировать их семантические особенности и оценить, как они отражают и сохраняют элементы мусульманской идентичности абхазского народа. Исследование строится как на современной, так и на исторической абхазской лексике.

Абхазский язык содержит значительное количество лексико-семантических особенностей и культурных концептов, связанных с кодом нации [19]. Как уже отмечалось, исламская цивилизация оказала большое влияние как на культуру абхазов в целом, так и на язык в частности. Изучение влияния лексики проводилось и ранее [8; 20; 21], однако количество подобных исследований незначительно, и они не в полной мере отражают внутренний смысл данных лексем. В связи с этим изучение особенностей абхазского языкового сознания в аспекте религиозной мусульманской идентичности по-прежнему актуально для современной исламской теологии.

Религиозно-обрядовый понятийный аппарат абхазского языка

Значительная часть арабской и персидской лексики вошла в абхазский язык через турецкое посредство, точнее – из староосманского языка. Именно Османская империя была основным проводником ислама среди абхазов, следовательно, немалая часть заимствований такого рода закрепились в языке в турецкой фонетической основе.

Несмотря на многолетние процессы вытеснения из сознания абхазов всего, что так или иначе связывало их с принадлежностью к исламу – как во времена Российской империи, так и в советский период [17], сохранившиеся в народной памяти понятия даже в современной семантике позволяют раскрыть религиозные убеждения в прошлом. Достаточно знать, что само понятие «религия, вероисповедание» в абхазском языке передаётся единственной лексемой *ад́ин* [13, с. 243] (араб. دِين – «религия»), чтобы убедиться в превосходном влиянии ислама на формирование религиозной терминологии. Это слово, которое встречается практически у всех народов, традиционно исповедующих ислам, с тем же значением, исходит из Корана. Например, в суре Аль-Имран говорится: «Воистину, религией (دِين «дин») у Аллаха является ислам» (3:19) [14, с. 58]. Здесь и далее необходимо учитывать, что префикс «а» в абхазском языке – это артикль определенности, который ставят перед именами существительными и по правилам абхазского языка добавляют также и к заимствованным словам [22, с. 13]. В значении «Бог, Господь» в абхазском языке чаще используется слово *Анц́аа*, но нередким и естественным, особенно среди представителей старшего поколения, является и употребление слова *Аллах* [13, с. 126] (араб. الله – «Аллах», собственное имя Бога в исламе [6, с. 30]). Это имя Бога абхазы зачастую употребляют машинально. Например, в таких устойчивых выражениях, как

Аллах ицшььоуп – «милость Аллаха», *Аллах идырп* – «Аллах знает (лучше)», *Аллах шэиныхэаит* – «да благословит вас Аллах» и др. Также в абхазской речи, хоть и считаются устаревшими, но еще можно услышать от представителей старшего поколения такие выражения, как *Аллаху-тáала* [7, с. 212] или *Лахтаала* [13, с. 454] (араб. الله تعالى – «Аллах Всевышний»).

Рис. 1. Могила Агрба Мусы Бастук-ипа (1912 г.). Село Калдахуара, Гудаутского района

В настоящее время не часто, но все же можно услышать в абхазской речи междометие *иáраби* [20, с. 123] (араб. يا ربي – «о, мой Господь»), в современном абхазском языке чаще несущее значение выражения удивления, недоумения. Например – *иараби, асйэкья убахьоума!* (иараби – «где это видано, где это слышано!») или *иараби, закэ мшыбааңсқәоузеи!* («иараби, что за ненастье!») [13, с. 330]. Как указывают некоторые исследователи, изначально это слово использовалось в смысле – «о, Господи!» // «о, Боже мой!» // «о, Бог мой!» [21, с. 92]. Это подтверждает и сочетание данной лексемы в выражении *иараби, т́оубаста́фыр* [13, с. 668] (араб. توبة و استغفر – «каюсь и прошу прощения»). В этих выражениях легко узнаются арабские слова исламского религиозного значения [3, с. 706]. Междометие *т́оубаста́фыр* в современном абхазском чаще связано с выражением недовольства, негодованием, угрозой, когда произносящий (обычно пожилой абхаз) словно хочет покаяться за слишком резкие слова или мысли. При этом самостоятельно само слово *а́тоуба/а́тауба* (араб. توبة – «покаяние») чаще применяется в абхазском языке в значении «клятва, зарок, присяга» [13, с. 668]. Наряду с первичным, в аналогичном значении оно применяется и в родственном абхазскому кабардинском языке [20, с. 82]. Это можно объяснить тем, что в исламе понятие «покаяние» в грехах и проступках обязательно предполагает твердую решимость (клятву) в том, что впредь подобное не будет совершаться. На основании этого очевидна семантическая трансформация лексемы.

Примечательно, что абхазы не используют слово «ислам» в качестве названия религии, хотя довольно распространенным (особенно в прошлом) является употребление его в качестве личного имени [11, с. 101]. В значении же сочетания «религия ислам» в абхазском языке употребляется слово *а́ңсылма́нра/амсылманра* [13, с. 564] (тур. *müslüman*, от араб. مسلم – «мусульманин»), что буквально можно перевести как «мусульманство» (от абх. *а́ңсылма́н/амсылман* [13, с. 564] – «мусульманин») или *а́ңсылман дин* (буквально «мусульманская религия»). Здесь также необходимо отметить, что созвучие первого слога «а́ңсы» в слове *а́ңсылма́н/а́ңсылма́нра* со словом *а́ңсы́* [13, с. 563] (душа) и самоназванием абхазского народа *а́ңсуа* [23, с. 40] сближает это понятие с морально-этическим кодексом *а́ңсуара* (букв. «абхазство») [23, с. 40] в сознании абхазского народа.

Современным абхазам прекрасно знакомо слово «мечеть» – *а́ңьяама́* [13, с. 1004] (тур. *cami* от араб. جامع – «соборная мечеть»). Имам, мулла, духовный лидер, служитель ислама (мечети) в абхазской традиции именуется *а́хэа́ңья* [23, с. 274] (тур. *hoca*, из фарси *خواجه* – «учитель, наставник»). Часто, чтобы подчеркнуть высокое положение среди других, его называли *а́хэа́ңья ду* – буквально «большой ходжа».

При приеме пищи, заклании животного, выходе из дома и многих других

важных начинаниях абхазы по сей день традиционно употребляют выражение *цсымиллах* [25, с. 21] (араб. *بسم الله* – «с именем Аллаха»), а при восхищении чем-либо, чтобы «не сглазить» – *машьаллах* [7, с. 212] (араб. *ما شاء الله* – «что пожелал Аллах»). Эти религиозные формулы по-прежнему используются многими абхазами (чаще пожилого возраста), независимо от вероисповедания.

В качестве приветствия у абхазов среди прочих используется и слово (*а*)салам [13, с. 628] (араб. *سلام* – «мир, безопасность, благополучие»), которое является установленным исламским приветствием, а также одним из имен Всевышнего Аллаха (араб. *السلام* – «Дарователь мира/безопасности») [6, с. 812]. Если форма приветствия *салám úмаз* (мн. ч. – *салам шэ́ымаз*) – буквально «да будет у тебя/вас салам», является лишь одной из употребляемых, то форма в значении «передать привет / приветствие» (абх. *асалам сызйт*, *аслам рышьтйт* и др.) на сегодняшний день остается практически единственной, широко употребляемой. То же можно сказать и об абхазском понятии со значением «письмо» – *асалам шэкэ́ы* [13, с. 628] (букв. «приветственная книга/запись»), состоящем из двух однокоренных слов, одним из которых является *асалам*. Другим однокоренным словом, употребляемым в современном абхазском языке, является *атаслы́м* (араб. *تسليم* – «смирение, примирение») и его производные в значении «спокойный, тихий, умиротворенный» [13, с. 659].

Можно утверждать, что в абхазском языке религиозная лексика в основном имеет мусульманское происхождение и представляет собой арабские (в т. ч. коранические), турецкие и персидские заимствования, во многих случаях с последующим изменением первичной семантики. Так, в современном абхазском языке широко используется понятие *аҭааимбáр* (тур. *peygamber*, из фарси *پیامبر* – «пророк») – как в первичном значении, так и в значении «архангел» или «человек праведной жизни» [13, с. 549]. Учитывая тот факт, что в исламской тюрко-персидской традиции понятие *peygamber* (без конкретизации) обычно применялось к пророку Мухаммаду, можно предположить перенос в народном сознании (с утратой религиозных знаний) его качеств (избранности, посланнической миссии и верного служения Творцу) на некое «высшее существо» или праведного человека, что говорит о расширении первоначального значения слова.

В этом контексте также представляет интерес тот факт, что в некоторых источниках указывается, что абхазы, как и абазыны, адыги и некоторые другие народы, использовали кличку мула пророка Мухаммада – «Дульдуй» (абх. «Дулдул», от араб. *دلدل*), подаренного ему египетским правителем Мукаукисом. Это слово употреблялось в значении «особенно ценной породы лошадей» или «сказочного коня» (или чего-то необычайно хорошего и красивого) [20, с. 92]. Это также свидетельствует о семантическом переносе, при котором качества и значимость исторического животного (с учетом высокого статуса Пророка) были перенесены на другой объект.

Необходимо также раскрыть такую лексему, как *амаалы́къ* [22, с. 424] (араб. *ملاك* – «ангел»), помимо своего первичного значения, она в настоящее время часто употребляется в отношении младенцев и малых детей. Эта семантическая особенность объясняется представлениями о безгрешности ребенка, который подобен ангелу – существу, не способному к греху и послушанию Творца. При этом в абхазском языке существует слово с единственным значением младенца (дитя), и оно также связано с исламской цивилизацией – *асаби* [13, с. 627] (тур. *sabı*, от араб. *صبي* – «младенец, ребенок, дитя»).

В абхазском мировоззрении огромное значение имеют понятия, связанные как с пребыванием в Ближнем, материальном мире, именуемом по-абхазски *а́дуinei* [13, с. 248] (араб. *دنیا* – «мирская жизнь»), так и в мире Вечном (после ухода из жизни),

именуемом *áxpаtа/ахараt* [13, с. 733] (араб. *آخرة* – «мир вечный»). Здесь мы также обнаруживаем отражения исламского мировосприятия с использованием коранической терминологии. Омоним слова «мир» в значении «спокойствие, тишина» в абхазском языке также связан с исламской цивилизационной парадигмой и имеет форму *аtы́нчра* (тур. *tinç* – «мирный, спокойный») [20, с. 122]. Воздание в мире Вечном за деяния, совершенные человеком при жизни, в виде попадания в Рай (по-абхазски *ы́анáт*) [13, с. 1005] (араб. *جَنَّة* – «Рай») или Ад (по-абхазски *ы́аханы́м*) [13, с. 1006] (араб. *جَهَنم* – «Ад»), также представляет собой важный элемент в традиционных воззрениях абхазов. В этом контексте обращает на себя внимание и то, что в значении «мúки, мучения» в абхазском языке бытует слово *аазáб/аазáб* [13, с. 7] (араб. *عذاب* – «мучение»), которое также является кораническим понятием, обозначающим мúки грешников после смерти [14, с. 501].

Другие религиозные лексемы, связанные с концом света и воскрешением после смерти, в современном абхазском языке частично изменили свое изначальное значение, сохранив при этом определенную близость по смыслу. Например, слова *áкаамéт* [13, с. 341] (от араб. *قيامة* – «воскрешение») и *áхырзамáн* (от араб. *آخر زمان* – «последнее время») используются как в значении «конец света // светопреставление» (уст.), так и в значении «нечто ужасное, бедствие» или «нечто удивительное, невероятное» [13, с. 753].

В абхазском языке такие значимые для мусульман религиозные понятия, как *áхалал* [13, с. 790] (араб. *حلال* – «дозволенное») и *áхарам* [13, с. 792] (араб. *حرام* – «запретное»), наряду со своим основным значением [21, с. 90], чаще употребляются в отношении качеств человека: добрый, щедрый человек – *халал*; скупой, вредный – *харам*. Здесь же можно привести примеры сложных слов в абхазском языке, корневыми основами которых являются слова *халал* и *харам*, например: *агэ́ы́халáлра* (благотворительность: *агэ́ы* – сердце и *халал*) [13, с. 221] и *áхарамчы́с* (запретная, вредная пища: *а́харам* и *чы́с* – еда) [13, с. 792] и др.

Термины, связанные с мусульманской религиозной обрядностью, прочно вошедшие в абхазскую лексику в прошлом, продолжают сохраняться и в современном языке. Их редкое употребление в настоящее время обусловлено ослаблением влияния ислама в духовной жизни общества. Это такие слова, как *аша́хáтра* [13, с. 953] (араб. *شهادة* – «шахада»; в исламской терминологии «свидетельство о том, что нет ничего и никого, достойного поклонения, кроме единственного Бога/Аллаха, и что Мухаммад – Посланник Аллаха» [6, с. 248]), *а́птэ́с* [24, с. 83] (тур. *abdest* – «ритуальное омовение», из фарси *آب دست* – букв. «рука-вода»), *азáн* [20, с. 78] (араб. *أذان* – «призыв на молитву»), *алама́з/анамаз* [20, с. 80] (тур. *namaz*, из фарси *نماز* – «ритуальная молитва»), *аза́кьáт* [20, с. 81] (араб. *زكاة* – «очистительная милостыня»), *аза́кьáт аль-фитра* [25, с. 25] (араб. *زكاة الفطر* – «милостыня разговения, подаваемая в Рамадан»), *а́урычра* [13, с. 692] (тур. *oruç* – «пост в месяц Рамадан»), *а́хáцьра* [13, с. 795] (араб. *الحج* – «хадж, паломничество к Каабе»), *а́кьаабá* [13, с. 389] (араб. *كعبة* – «Кааба») и другие. Примечательно, что такие слова, как *аламаз/анамаз* (ритуальная молитва) и *а́хáцьра* (паломничество) в абхазском языке в просторечии могут употребляться также и по отношению к представителям немусульманской религии.

Как отмечают некоторые источники, в духовной жизни абхазов в прошлом значительную роль играли лексемы, непосредственно связанные с религией и религиозными представлениями – такие, как *азкьы́р* [25, с. 21] (араб. *ذكر* – «помяновение Аллаха»), *аси́раt* [25, с. 25] (араб. *الصراط* – «мост над Адом»), *асуна́тра* (от араб. *سُنَّة* – «сунна пророка Мухаммада») – в значении обрезания крайней плоти у мальчиков [25, с. 36]. Также в употреблении находилась лексема *а́хáтма* [17, с. 169] (от араб. *خاتم القرآن*

– «полное прочтение Корана»), обозначавшая практиковавшееся в то время чтение Корана во время поминального обряда по усопшему [5, с. 24]. При этом различали два вида этого обряда: *ахатма ду* (большая) – полное прочтение всего Корана, и *ахатма хьыцъы* (малая) – чтение лишь избранных сур³.

Отдельного рассмотрения заслуживает бытование в абхазском языке мусульманских понятий, относящихся к лицам, не исповедующим ислам, либо к вероотступникам. Так, слово *агьааур* (тур. *gavur* – «иноверец, неверный») наряду с основным значением может употребляться в значении «бес, черт» и функционировать как ругательство [13, с. 194]. Существует также сложное слово *гьааурманцыз* (тур. *gavur imansız* – «неверный, безверный»), используемого в форме угрозы или ругательства, аналогично русскому выражению «ах ты, плут!» [13, с. 194]. В абхазском языке сохраняется и слово *аиман* [20, с. 83] (араб. إيمان – «вера»), хотя в настоящее время оно широко не употребляется.

Другое, близкое по значению, но уже арабского происхождения слово *акъаафьыр* (араб. كافر – «неверующий») в абхазском языке «отвергающий Бога» [21, с. 90], помимо основного, имеет переносные значения «проклятый, бесстыжий» [13, с. 389], «мошенник, бестия» [7, с. 211]. На основе этого корня существуют и сложные слова, например, *алакъаафьыр* (в сочетании с абх. *алá* – собака), которое также имеет ругательное значение «негодяй, мерзавец» [13, с. 442]. Выражение *ауафьымсылман* (букв. «человек-мусульманин»), напротив, употребляется в значении «честный, искренний, порядочный человек».

Еще одна известная в абхазском языке лексема – *амуртáт/амыртáт* (араб. مرتد – «вероотступник»), обозначающая в исламской терминологии человека, отступившего от ислама [3, с. 284], в современном абхазском языке употребляется в значении «язычник» [13, с. 449]. К этому же ряду можно отнести и бытование в прошлом понятия *ацъахыл* (араб. جاهل – «невежественный, невежда») вместе с оригинальным – в значении «молодой (неопытный)» [21, с. 90].

Несмотря на изменение семантики, в абхазской традиции эти лексемы сохраняют отрицательную коннотацию, что свидетельствует о глубокой народной памяти, закрепившей негативное отношение к людям, не верящим в Аллаха и Его Посланника или отступившим от ислама.

Представляет интерес изменение семантики и даже части речи слова *адышьман* (фарси دشمن – «враг»), которое в абхазской речи, помимо прямого смысла [8, с. 105], употреблялось и в значении, аналогичном русскому восклицанию «не дай Бог!» (вероятно, в смысле «столь ужасный враг, что не приведи Аллах встретиться с ним»). Важно упомянуть и то, что трагические события – Русско-Кавказская и Русско-турецкие войны, стали причиной насильственного, вынужденного переселения абхазов в Османскую Турцию, вследствие чего в абхазском языке закрепились и сохраняются по сей день в памяти народа лексемы *амхачьырра* (мухаджирство), от слова *амхачьыр* [22, с. 452] (мухаджир) (араб. مهاجر – «переселяющийся»). В исламской терминологии мухаджирами называли мусульман, которые во времена пророка Мухаммада покинули Мекку и переселились в Медину, спасаясь от жестоких гонений язычников [3, с. 516]. Использование данного понятия в отношении вышеупомянутых событий, несомненно, указывает на их восприятие в истории и сознании абхазского народа.

Резко негативную семантику имеют лексемы *ацъын* (араб. جَنّ – «джинн») и *ацъыныш* (с элементом усиления – *иш*). В соответствии с исламским учением, джинны –

³ Информант Чамагуа А. Х. (1938 г. р.). Записано 20 августа 2016 г. в с. Ачандара Гудаутского района.

это незримые для людей разумные существа, созданные Аллахом из огня [6, с. 794]. Однако в современном абхазском языке слово *ацъын* приобрело негативное значение – «злой дух» [13, с. 1010], как и *ацъныш* – «дьявол, сатана» [13, с. 1008]. Еще более отрицательную коннотацию имеют ныне почти вышедшие из употребления, но зафиксированные в источниках слова *ашаитан* – черт, дьявол [13, с. 950] (араб. شيطان – «шайтан») и *аиблис* – дьявол, демон, бес, сатана [20, с. 83] (араб. إبليس – «ибليس»).

В абхазском языке слово *ашьахит* (араб. شهيد – «свидетель», в исламской терминологии – «мученик за веру») [6, с. 822] вместе со значением «павший на войне» приобретает и дополнительные значения – дух умершего [8, с. 100–101], мифический святой мертвец, который делает добро людям [13, с. 968], или же святой [8, с. 97]. Данное выражение употребляется и в переносном смысле, как нечто «затянувшееся», какое-либо дело, оставшееся неизменным [7, с. 211–212]. Эта лексема присутствует в языке наряду со словом *ашахат* (араб. شاهد – «свидетель»), которое имеет значение, подобное арабскому аналогу, но с определенной фонетической коррекцией. По мнению некоторых исследователей, это обусловлено влиянием нетюркских кавказских языков [8, с. 100–101]. К этому же ряду можно отнести слово *казауит* (араб. غزوة – «поход против врагов» [3, с. 162]), которое в абхазском языке сохраняет смысл «священной войны у мусульман» [22, с. 383]. В прошлом это слово широко использовалось в героических народных песнях и сказаниях [9, с. 86–87]. В исламской же терминологии оно обозначает военную экспедицию против язычников, в которой лично участвовал пророк Мухаммад [3, с. 162].

Как мы можем убедиться, семантика религиозной лексики абхазского языка ярко демонстрирует историческое отношение абхазов к религии ислам. В продолжение можно отметить, что такие значимые религиозные понятия, как «грех» и «благоденствие», в абхазском языке также выражаются словами исламской терминологии – *агэнаха* [13, с. 206] (тур. *günah*, от араб. جناح – «грех, преступление») и *асабаң* [13, с. 626] (тур. *seber*, от араб. سبب – «причина, мотив, повод» [20, с. 86]; в исламской терминологии – «причина, посредством которой осуществляется тот или иной процесс или действие» [3, с. 909]. В данном случае, вероятно, «причина обретения довольства Аллаха»). Возможна и иная этимология слова *асабаң* – от араб. ثواب (сауаб), которое в исламской терминологии означает «награда, вознаграждение от Всевышнего Аллаха за благодеяния» [6, с. 811].

Сложный вариант семантической трансформации представляет лексема *адоуха/адауха* (араб. دُعاء – «мольба, просьба»; в исламской терминологии – «обращение с мольбой к Аллаху» [6, с. 794]), первоначально имевшая значение «молитва» (обращение к Аллаху), «заклинание», а позднее – «духовность» [7, с. 211], «дух», «сверхъестественное начало» [22, с. 208]. Одно из ключевых понятий исламской добродетели – *асадакы/асадака* [25, с. 21] (араб. صدقة) – в абхазском языке сохранило тот же смысл, что и оригинал [6, с. 811]: «подавание, милостыня, пожертвование» [13, с. 627]. От него же образовано и производное *асадакытара/асадакатара*, означающее «благотворительность» [13, с. 627].

Примечательно, что в значении «(скрытый)смысл; хитрость» (или «значение слов/действий»), наряду с исконными формами, в абхазском языке иногда употребляется заимствованное слово *амаанá* [22, с. 424] (араб. معنى – «смысл, значение»), например, в выражениях: *измаани?/измаанои?/измаанозеи?* (в чем хитрость?), *мааныс иамеи?* (какой смысл в этом?).

В значении книги религиозного содержания в абхазском языке по-прежнему сохраняется слово *акътаң* [13, с. 391] (араб. كتاب – «книга, писание»), которое, как правило, употребляется в отношении Корана. Вместе с тем в языке используется и

слово *Akəyrkán* [13, с. 433] (араб. الْقُرْآن – «Коран»), представляющее собой абхазскую транслитерацию названия Священной книги мусульман.

Слово *ayáz* (тур. *va'z*, от араб. وعظ – «проповедь, поучение») в абхазском языке ранее имело первоначальное значение, однако в настоящее время чаще используется в значении «рассказ о горести» или «повествование о тяжелом переживании» [13, с. 681]. Некоторые источники отмечают также употребление слова *áшыых* (араб. شيخ – «шейх, старейшина») в значении «мудрец» [7, с. 212]. Мусульманские четки в абхазском языке и поныне обозначаются словом *аҭсҭыхә* [13, с. 666] (араб. تسبيح – «прославление, восхваление Аллаха»), которое не имеет синонимических замен.

Среди заимствований абхазского языка в религиозном контексте интерес представляет и лексема *агдыгə́ым*, означающая «кувшин», поскольку этот простой предмет быта в прошлом был непосредственно связан с практикой ритуального омовения перед молитвой (абх. *аҭҭес*). В абхазском языке для обозначения медного кувшина употребляется слово *агдыгə́ым* [13, с. 210], восходящее к турецкому (османскому) *gügüm* – «кувшин с носиком, обычно медный» [18, с. 362]. Вместе с тем, по данным некоторых источников, сохранялся и синоним *акəма́н/акəмаан* [20, с. 103] (тюрк. *kumgan*), вероятно, проникший в абхазский через северокавказское посредничество. Таким образом, оба указанных слова являются тюркскими заимствованиями. Очевидно, кувшин играл заметную роль в религиозной жизни абхазов прошлого (в условиях отсутствия централизованного водоснабжения), что находит отражение и в символике, изображенной на некоторых могильных плитах (рис. 1).

С практикой ритуального омовения в исламе также связано использование кожаных носков, допускающих их обтирание при совершении омовения [1, с. 46–48]. Этот религиозно-бытовой элемент исламской культуры также нашел отражение в абхазском языке. Так, кожаные носки обозначаются словом *амест*, восходящим к турецкому *mest* – «сафьяновые сапожки без подошвы» [7, с. 211]. Этимологическая связь вышеупомянутых терминов может свидетельствовать о лингвистическом и культурном влиянии исламской традиции, проявившейся в религиозно-лексической системе абхазского языка.

Приведем еще ряд лексем, прямо или косвенно связанных с религией и исламским мировосприятием: *аразкы́* – счастье, рок, судьба, участь [13, с. 584] (араб. رزق – «удел; любое благо, дарованное Всевышним человеку» [6, с. 811]); *анасы́ң* – счастье, везение, удача [13, с. 523] (араб. نصيب – «доля, участь, судьба, удача»); *абарақьа́т(ра)* – богатый (об урожае), изобилие, употребляется в выражениях благодарности за гостеприимство [13, с. 150] (араб. بركة – «благодать от Аллаха, изобилие благ»); *хаи́р* – добро, нечто благое, используется в формулах благопожелания [23, с. 212] (араб. خير – «добро, благо»), отсюда наречие *хаи́рла* – «по добру, по хорошему случаю» [13, с. 728]; *азаа́лым(дара)* – несправедливость [22, с. 243] (араб. ظالم – «несправедливый, жестокий»); *амазлы́м* – угнетенный, кроткий, тихий [21, с. 89] (араб. مظلوم – «терпящий несправедливость, угнетенный»). Поскольку имущество в исламе рассматривается как дар Аллаха и включает все материальные ценности, вверенные человеку, то и слово *амáл* – имущество, богатство [13, с. 476] (араб. مال – «имущество») в абхазском языке можно отнести к той же семантической категории.

В мировоззрении традиционного абхаза, независимо от его религиозной принадлежности, огромную роль играет понятие *анамыс/аламыс* – совесть, достоинство, честь [13, с. 518]. В арабском – ناموس, означая «закон, совесть, честь», это понятие является основой морально-этического кодекса абхазов, его ключевой составляющей. *Аламыс* представляет собой мерило этики и нравственного порядка,

обобщенное выражение таких качеств личности, как достоинство, вежливость, честность, уважение к старшим, к лицам противоположного пола, к гостям и пр. Оно включает в себя и представление о том, что традиционно воспитанные абхаз или абхазка считают постыдным демонстрацию обнаженных частей тела перед другими людьми. Эти традиционные нравы абхазов, их роль и значение в общественной жизни ярко описал в своих новеллах М. Лакербай, в частности в рассказе с одноименным названием «Аламыс» [16, с. 253–254].

В контексте данного исследования определенный интерес представляет устаревшее слово *асаи́ада* (араб. سجادة – «коврик для молитвы»), имеющее в абхазском языке значение «циновка» [10, с. 313]. Очевидное происхождение слова указывает на функцию, которую ранее выполнял этот предмет, по всей вероятности использовавшийся в прошлом для совершения молитвы и других религиозных действий.

В продолжение рассмотрения вопроса отражения мусульманской обрядности в абхазском языке следует отметить существование понятия *а́нкъах/а́мкъах* в значении «брачный контракт у мусульман» [22, с. 443] (араб. نكاح – в исламской терминологии «заключение брачного договора» [2, с. 46]). Известно, что еще в ранний советский период абхазы-мусульмане заключали браки в соответствии с требованиями исламского права [12, с. 43]. Для совершения обряда бракосочетания, по-абхазски *а́нкъахџџа́ра* [10, с. 473], приглашали муллу (абх. *ахџаџа*). В силу особенностей традиционного менталитета абхазов отец не мог лично выдавать свою дочь замуж, поэтому невесте назначали опекуна *а́нкъах уақьы́л* // *а́кьы́л* (от араб. نكاح, وكيل – «никах» и «поверенный»), так называемого «названного брата» (абх. *а́еи́ша*), как правило, из числа друзей жениха [12, с. 43]. Составлялся и фиксировался на бумаге договор бракосочетания – *а́нкъах шџкџ́ы* [12, с. 43] (букв. «запись никаха»), в котором устанавливался размер *а́м(н)къахџса́* [22, с. 443] (букв. «цена никаха», в абхазском языке – «брачный залог»). Очевидно, именно так абхазы называли установленный в исламской традиции брачный дар «махр» – имущество, выделяемое мужем жене при заключении равноправного брака [2, с. 305].

Соблюдение поста (абх. *ауры́чра*) в месяц Рамадан (ранее среди абхазов чаще употреблялась форма «Рамазан» [20, с. 81], в настоящее время – *ауры́чра мза*, буквально «месяц поста») являлось одним из наиболее строго исполнявшихся мусульманами Абхазии религиозных предписаний ислама. В соответствии с установленными нормами пост предвлялся приемом пищи в ночное время, до рассвета, которое именовалось *та́мчы́т* [13, с. 655] (тур. *temcid*, от араб. تمجيد – «прославление, восхваление»). Очевидно, название данной традиции первоначально было связано с религиозной практикой чтения молитв, зикра и сур Корана муэдзином до начала утреннего намаза в период Рамадана, что восходит к традициям Османской империи. Также у абхазов сформировалась традиция озвучивать намерение соблюдать пост выражением *нии́аџ скуеит*, что буквально означает «беру ният»⁴ (араб. نية – «намерение»). Период приема пищи после дневного воздержания (араб. افطار – *ифтар*, в исламской терминологии – «разговение; вечерний прием пищи во время месяца Рамадан» [6, с. 811]) в абхазской традиции обозначается исконно абхазским словом *а́џырты́ра* (букв. «открывание рта»). Это понятие соотносится со сходными выражениями в других языках мусульманских народов, например, тюркских: татар. *авыз ачу*, ногайск. *ауызашар*, кыргыз. *ооз ачуу*, узб. *o'giz ochish*. Такое лексическое

⁴ Информант Цушба Анна Мшишевна (1928–2009 гг.). Записано 5 сентября 2008 г. в с. Аацы Гудаутского района.

соответствие свидетельствует о типологической близости образного мышления народов, принадлежащих к различным языковым семьям, но объединенных общими религиозными традициями.

Особое значение в исламе имеет одна из ночей месяца Рамадан – Ляйляту-ль-Кадр (араб. ليلة القدر – в исламской терминологии «ночь Предопределения») [6, с. 413]. Это понятие также нашло отражение в абхазском языке: традиционно данная ночь называлась *Кады́р гъежъ*⁵ (от тур. *Kader geç* – «ночь Кадр»).

Лексика, связанная с похоронной обрядностью абхазов, также отражает исламское наследие. Многие термины, обозначающие элементы погребального ритуала, пришли в абхазский язык в составе исламской религиозной лексики, восходящей к арабскому источнику, скорее всего, посредством староосманского языка. Так, само понятие «смертный час, конец жизненного срока» передается словом *а́цъал* [13, с. 144] (араб. أجل – в исламской терминологии «окончание жизни человека и других живых существ, т. е. время смерти» [6, с. 786]). Известно, что в прошлом, включая советский период, абхазы-мусульмане хоронили своих умерших в соответствии с нормами ислама [10, с. 584]. Тело покойного омывали (абх. *а́цсыкэабара*), заворачивали в *а́къафы́на* [22, с. 353] (араб. كفن – кафан, «саван»), читали погребальную молитву *а́цъанаазы́/а́цъанааза* [25, с. 39] (араб. جنازة – джаназа; в исламской терминологии «похороны; заупокойная молитва») и хоронили без гроба, укладывая тело в могильную нишу (араб. لحد – ляхд) и закрывая ее по диагонали деревянными досками. Позднее умерших стали хоронить в каштановом гробу без крышки, который называли *а́та(о)убы́т* [13, с. 661] (араб. تابوت – табут, букв. «ящик») сохраняя традицию закрывать тело в могиле досками по диагонали [10, с. 584]. В современном употреблении с вытеснением самого обряда, словом *а́цъанаазы́/а́цъанааза* обозначают небольшой навес, устанавливаемый во дворе дома, под которым располагают тело покойного в день похорон для проведения гражданской панихиды. Таким образом, здесь также можно наблюдать семантическое смещение от религиозного обряда к его атрибуту.

Исламская праздничная лексика также получила отражение в абхазском языке, закрепившись в его лексико-семантической системе. Так, окончание поста в месяц Рамадан (араб. عيد الفطر – 'Ид аль-фитр, «Праздник разговения») в абхазской традиции называлось *а́урычра а́йы́йра* [25, с. 24–25], что дословно означает «выход из поста». В настоящее время употребляется вариант *Аурычра ны́хэа* (по аналогии с Ураза-байрам), буквально «Праздник поста».

Другой важный исламский праздник – Курбан-байрам (араб. عيد الأضحى – 'Ид аль-адха, «Праздник жертвоприношения») также прочно укоренился в абхазской культуре в прошлом и сохраняется и поныне. В старой традиции он обозначался сокращенным словом *Бира́м* [25, с. 28] (тур. *bayram* – «праздник»), а в настоящее время чаще используется форма *Кэ́ырба́н ны́хэа*, буквально «Праздник Курбан». Сама лексема *а́кэ́ырбан* [13, с. 385] (тур. *kurban*, от араб. قربان – «жертвоприношение») давно и устойчиво вошла в абхазский язык. Она употребляется и в значении «жертвоприношения по обету» (абх. *а́кэ́ырбан сы́кэсџеит*), и в ряде фразеологических выражений, означающих расположенность и доброжелательность к человеку, например, *су́кэ́ырбануп*, дословно – «да стану я курбаном для тебя». Здесь мы также видим пример того, как исламская религиозная терминология не только сохранила свое ритуально-обрядовое содержание, но и получила вторичные значения в сфере

⁵ Информант Чанба Ница Константиновна (1917–2007 гг.). Записано 25 декабря 2000 г. в с. Дурипш Гудаутского района.

этикетных выражений, что также свидетельствует о глубокой степени интеграции исламской лексики в абхазскую языковую и культурную среду.

Лексемы, связанные с государственностью, общественным устройством и мировосприятием

Особого внимания заслуживает рассмотрение заимствований из исламской цивилизации в абхазском языке, имеющих отношение к этимологии и семантике, прямо или косвенно связанных с Абхазской государственностью и общественным устройством. Так, термин, обозначающий государство и совокупность органов власти в абхазском языке представлен словом *аҳәынҭқарра* [13, с. 801], производным от *аҳәынҭқар* (Государь) [13, с. 801]. Последнее восходит к титулу турецкого султана *hünkār* – «повелитель, владыка», который, в свою очередь, является османским вариантом персидского *خواندگار* (первичная форма на фарси *خداوندگار*, в турецком *hudavendigar*). В грузинском языке встречается схожая форма данного заимствования, однако ее употребление ограничено обозначением исключительно османского султана, зачастую с негативным или отчужденным оттенком. В абхазском же языке этот термин приобрел иное семантическое наполнение, обозначая собственно правителя и тем самым отражая восприятие исламской политико-культурной модели в контексте формирования абхазской государственности. К числу лексем данной категории, связанных с исламской культурной парадигмой в абхазском языке, относятся также такие понятия, как *абирáк* – флаг [13, с. 169] (тур. *bayrak* – «флаг, знамя») и *амилáт* – нация [13, с. 492] (тур. *millet*, от араб. *ملة* – «нация»), причем второе слово употребляется в Священном Коране в значении истинной религии пророка Ибрахима, восстановленной пророком Мухаммадом [14, с. 27]. К этой же категории можно отнести такие понятия, как *амхə́ыр* – печать [13, с. 502] (тур. *mühür*, от араб. *مهر* – «печать, печатка»), *азанаáт* – профессия, специальность [13, с. 290] (тур. *zanaat*, от араб. *صناعة* – «занятие, ремесло»), *ахазы́на* – (уст.) казначейство [13, с. 707] (араб. *خزينة* – «казна, казначейство»), *агə́ымры́къ* – (уст.) налог, арендная плата [22, с. 162], пошлина [21, с. 91] (тур. *gümrük* – «таможенная пошлина» [8, с. 98]), *аңáра* – деньги [13, с. 551] (тур. *para* – деньги), *а́карышь* – пятак, прост. деньги [13, с. 431] (тур. *kuruş* – совр. «сотая часть турецкой лиры»), *арза́хал* – заявление [13, с. 598] (тур. *arzıhal* – заявление).

Среди других заимствований, связанных с традиционным мировосприятием абхазов, их представлениями о мире, в т. ч. абстрактными, можно выделить следующие: *ахабáр* – весть, сведение [13, с. 704] (араб. *خبر* – то же); *афеида́* – польза, выгода [13, с. 697] (араб. *فائدة* – польза, выгода); *ауасиáт* – завещание, завет [13, с. 685] (араб. *وصية* – завещание, завет); *хасáб* – буквально «принять в расчет» (араб. *حساب* – «исчисление; счет, расчет; отчет»), и его производные: *а́хасабра* – счет, арифметика, *а́хасабга* – счета, *а́хасабрба* – отчет [13, с. 793]; *а́хары́* – затрата, расход, убыток [13, с. 716] (араб. *خرج* – «расход, издержки; деньги на расходы»); *а́қы́ра* – арендная плата [13, с. 391] (тур. *kira*, от араб. *كراء* – арендная плата), *а́ха́қ* – истина, правота [21, с. 90], моральный долг, обязанность, заслуга [13, с. 790] (араб. *حق* – «истинный, настоящий, подлинный; правильный, справедливый; право»); *а́раз* – добрый [13, с. 584], довольный, удовлетворенный, согласный [20, с. 121] (араб. *رضي* – довольный, удовлетворенный, согласный); *а́зы́н* – право, разрешение [13, с. 296] (араб. *إذن* – «позволение, разрешение»); *ара́хáт* – спокойный, умиротворенный [13, с. 587] (араб. *راحة* – «спокойствие, безмятежность; покой; отдых»); *а́хатыр* – почет, уважение [13, с. 794] (тур. *hatir*, от араб. *خطير* – «важный, значительный; достойный»); *а́жоуры́х/а́жаары́х* – история [13, с. 649] (араб. *تاريخ* – «история, эпоха, дата»); *а́хазы́на* – сокровище, чудо, прелесть [13, с. 707] (араб. *خزينة* – «сокровище, клад»); *а́тары́мáн/а́тыры́ман* –

переводчик [13, с. 659] (араб. ترجمان – переводчик); *aḥaḳḳʿīm* – врач [13, с. 790] (араб. حكيم – «мудрый; философ; врач, доктор»); *ayastʿa* – мастер, плотник, столяр [13, с. 685] (тур. *usta*, от фарси استاد – «мастер, специалист», от араб. أستاذ – «учитель, наставник; профессор; мастер»); *azaral* – убыток [13, с. 291] (тур. *zarar*, от араб. ضرر – «вред, убыток»); *azaaiḥ* – хилый, хрупкий, нежный [13, с. 286] (араб. ضعيف – «слабый, больной»); *aḥaiuʿan* – животное, скотина [13, с. 790] (араб. حيوان – «животное») и др.

Эти заимствования не только свидетельствуют о языковом контакте с арабскими, тюркскими и северокавказскими народами, но и отражают более глубокие процессы культурной и идеологической адаптации элементов исламской цивилизации в абхазском контексте.

Заключение

Исследование лексико-семантических особенностей абхазского языка убедительно демонстрирует, что его языковое наследие является важным и устойчивым маркером мусульманской идентичности абхазского народа. Несмотря на современные геополитические и конфессиональные нарративы, позиционирующие Абхазию как преимущественно христианский регион, язык хранит глубокий пласт исламской культуры.

Систематизация и анализ религиозной лексики арабского, в том числе коранического происхождения, показали, что эти заимствования не являются лишь историческим реликтом. Они прочно интегрированы в повседневный языковой обиход, сохраняя свою семантическую целостность и актуальность даже после периодов целенаправленного отчуждения в советскую и постсоветскую эпохи. Это свидетельствует не о поверхностном заимствовании, а о глубокой и длительной интеграции исламских концептов в культурный код абхазов.

Таким образом, язык выступает в роли своего рода «культурной памяти», которая фиксирует и демонстрирует исторические этапы формирования этнической идентичности. Лексико-семантические особенности абхазского языка, связанные с исламом, являются не просто следами прошлых контактов, а живым свидетельством того, что мусульманский компонент был и остается неотъемлемой частью абхазской культуры и национального, этнического самосознания.

Проведенное исследование подчеркивает необходимость дальнейшего, более детального изучения языкового сознания абхазов в контексте их религиозной идентичности. Это позволит не только восполнить существующие пробелы в теологии и лингвистике, но и получить более полное и объективное понимание сложной историко-культурной динамики абхазского народа.

Литература

1. Тахмаз, Абдальхамид Махмуд. Ханафитский фикх / Абдальхамид Махмуд Тахмаз; пер. с араб. А. Нирша; 3-е изд, испр. и дополн; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Москва: Издательский дом «НУР», 2013. Т. 1. – 366 с.
2. Тахмаз, Абдальхамид Махмуд. Ханафитский фикх в новом обличье / Абдальхамид Махмуд Тахмаз; пер. с араб. А. Нирша, Р. Ахметжанова; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. – Москва: Издательский дом «НУР», 2013. Т. 2. – 324 с.
3. Али-заде, А. Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. – Москва: Изд-во «Ансар», 2007. – 920 с.
4. Арабско-русский словарь. Т. 1. – Ташкент: Камалак, 1994. – 456 с.
5. Ардзинба, В. Г. Моя жизнь. Воспоминания / В. Г. Ардзинба. – Сухум, 2018. – 512 с.

References

1. ‘Abd al-Hamīd Maḥmūd Taḥmāz. Ḥanafī Fiqh. Vol. I. Translated from Arabic by A. Nirrsh. 3rd revised and expanded ed. Edited by D. V. Mukhetdinov. – Moscow: NUR Publishing House, 2013. – 366 p. (In Russian).
2. ‘Abd al-Hamīd Maḥmūd Taḥmāz. Ḥanafī Fiqh in a New Form. Vol. II. Translated from Arabic by A. Nirrsh and R. Akhmetzhanov. Edited by D. V. Mukhetdinov. – Moscow: NUR Publishing House, 2013. – 324 p. (In Russian).
3. Ali-zade, A. Islamic Encyclopedic Dictionary. – Moscow: Ansar, 2007. – 400 p.
4. Arabic-Russian Dictionary. Vol. 1. – Tashkent, 1994. – 456 p.
5. Ardzinba, V. G. My Life. Memoirs. – Sukhum, 2018. – 512 p. (In Russian).
6. Gainutdin, Ravil. Islam: Doctrine, Worship, Ethics, Law. Centralized Religious Organization – the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation; Saint Petersburg State University; Moscow Islamic Institute; edited by D. V. Mukhetdinov. – Moscow: Medina Publishing House, 2020. – 848 p. (Series: Islamic Thought in Russia: Revival and Reinterpretation). (In Russian).
7. Gubliya, R. Kh. Essays on Abkhaz Etymology. – Sukhum: Abkhazian State University Press, 2013. – 330 p. (In Russian).
8. Dzhonua, B. G. Loan Vocabulary of the Abkhaz Language. – Sukhum: AbIGI, 2002. – 160 p. (In Russian).
9. Dzidzaria, G. A. Muhajirstvo and problems of the history of Abkhazia in the 19th century. – Sukhumi: Alashara, 1975. – 528 p. (In Russian).
10. Inal-ipa, Sh. D. Abkhazians (Historical and ethnographic essays). – Sukhumi: Alashara, 1965. – 695 p. (In Russian).
11. Inal-ipa, Sh. D. Abkhaz Anthroponymy. – Maykop: Adygea Publishing House, 2002. – 384 p. (In Russian).
12. Inal-ipa, Sh. D. Tradition and Modernity. – Sukhumi: Alashara Publishing, 1978. – 112 p. (In Russian).
13. Kaslandzia, V. A. Abkhaz–Russian Dictionary. – Sukhum, 2005. – 1011 p. (In Russian).
14. The Qur’an: Translation of Meanings and Commentary. Translated and commented by E. Kuliyeu. 6th stereotype ed. – Moscow: Umma, 2012. – 816 p. (In Russian).
15. Krylov, A. B. Religion and Traditions of the Abkhaz (Based on Field Materials, 1994–1990). Abstract of doctoral dissertation in History. – Moscow, 2000. – 46 p. (In Russian).
16. Lakerbay, M. A. Abkhaz Novellas. – Sukhum: Abgosizdat, 2014. – 424 p. (In Russian).
17. Smyr, G. V. Islam in Abkhazia and ways to overcome its remnants in modern conditions. – Tbilisi: Metznieraba, 1972. – 227 p. (In Russian).
18. Turkish-Russian Dictionary. – Istanbul: Multilingual, 1994. – 950 p. (In Russian).
19. Khagba, L. R. Basic Linguocultural Concepts in the Abkhaz and Abaza Languages: Based on Idiomatic Material. Doctoral dissertation in Philology (10.02.02; 10.02.19). – Nalchik, 2006. – 260 p. (In Russian).
20. Shagirov, A. K. Loan Vocabulary of the Abkhaz–Adyghe Languages. Institute of Linguistics, USSR Academy of Sciences; edited by V. I. Abaev. – Moscow: Nauka, 1989. – 191 p. (In Russian).
21. Shakirbai, G. Z. “On Turkish Lexical Borrowings in the Abkhaz Language.” Proceedings, Issue II. AbIA/LI, Georgian SSR Academy of Sciences; editorial board: G. A. Dzidzaria (ed.), Sh. D. Inal-ipa, K. S. Shakryl et al. – Tbilisi: Metsniereba, 1973. – 212 p. (In Russian).

22. Shakryl, K. S., and Kondzharia, V. Kh. Dictionary of the Abkhaz Language. Vol. I: A–O. 1st ed. – Sukhumi: Alashara Publishing, 1986. – 496 p. (In Russian).
23. Shakryl, K. S., Kondzharia, V. Kh., and Chkadua, L. P. Dictionary of the Abkhaz Language. Vol. II: P–Tsh'. – Sukhumi: Alashara Publishing, 1987. – 544 p. (In Russian).
24. Aouzhba, V. Apsuaa rgyamtsaakua (Abkhaz Sayings). Abkhazian Institute for the Humanities named after D. I. Gulia. – Aqwa: Akypa Publishing House, 2021. – 224 p. (In Abkhazian).
25. Smyr, G. The Contemporary State of Islam in Abkhazia and the Ways of Its Elimination. – Aqwa: Alashara Publishing, 1967. – 95 p. (In Abkhazian).